

СЕРИЯ «КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА»

**Владимир
Мацкевич**

Вопреки очевидности

УДК 318
ББК 83

Мацкевич В.

Вопреки очевидности / Владимир Мацкевич. — Невский простор. 2006. — 210 с.

ISBN 5-94716-032-3

В настоящий сборник включены ранее опубликованные тексты белорусского методолога и философа Владимира Мацкевича: «Беларусь: вопреки очевидности» (1994 г.), «Беларусская демократия: вопреки очевидности» (1996 г.), «Политика: средство или цель» (1997 г.).
Первая книга серии «Культурная политика»

УДК 318
ББК 83

Издатель и автор выражают свою признательность
Вячеславу Чернявскому, Татьяне Пошеваловой, Ирине Сухий,
Андрею Егорову, Ирине Капарихе, Ирине Белой, Максиму Марозу,
Владу Величко, Елене Тонкачевой, Денису Гилю, Леониду Калитене,
Инне Жизневской, Геннадию Самусевичу, Николаю Кацуку,
Татьяне Водолажской, Светлане Мацкевич, Виктору Лисинецкому,
Валерии Стукиной, Марии Ковальчук, Анатолию Швецову,
без помощи которых это издание вряд ли бы увидело свет.

**В будущих изданиях серии «Культурная политика» планируется
выход ранее не публиковавшихся в Беларуси книг**

Владимира Мацкевича:

«Вызывающее молчание»

«Полемиические этюды об образовании»

«Введение в теорию систем. Сборник лекций»

ISBN 5-94716-032-3

© В.Мацкевич, 2006

© Агентство гуманитарных технологий, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Книгой, которую вы держите в руках, Агентство Гуманитарных Технологий открывает издательскую серию «Культурная политика», в которую войдут произведения белорусского методолога и философа Владимира Мацкевича. В настоящий сборник включены ранее опубликованные тексты: «Беларусь: вопреки очевидности» (1994 г.), «Беларусская демократия: вопреки очевидности» (1995 г.), «Политика: средство или цель» (1997 год). Мы посчитали возможным переиздать эти тексты под общим названием «Вопреки очевидности».

Владимир Мацкевич не пишет абсолютно новых книг, но продолжает кирпичик за кирпичиком творить концепцию Беларуси — то чего нет, но должно быть. Начиная с «Наивного путешествия в Беларусь» (1994 г.) автор не перестает открывать Беларусь как *terra incognita*, и шаг за шагом познает ее так, как никто другой из современных белорусских интеллектуалов. В написанном парадоксально связывается непосредственность и наивность взгляда с глубокой историчностью и остротой гуманитарного знания, полемичность стиля и обоснованность суждений. Автор подходит к исследованию Беларуси как к неизвестному, еще неизведанному, проблемному. Ему недостаточно довольствоваться поверхностными очевидностями. Он не пытается описать или объяснить Беларусь, он предлагает ее думать. Для этого необходим весь инструментарий современного гуманитарного знания. И этот инструментарий у автора есть. Метод и особые процедуры «исследования действием» переводят написанное Мацкевичем из разряда обыденных «мнений по поводу» на уровень обоснованных, если хотите, достоверных суждений. Именно потому эти суждения не равны любым другим и требуют особого к ним отношения. К каждому выводу автора применимы процедуры критики, верификации и фальсификации, но они верны, пока не доказано иное или не предъявлено более обоснованное рамочное суждение. В этом состоит авторский призыв-вызов белорусскому интеллектуальному сообществу: читать, критиковать, спорить, исследовать и вместе думать Беларусь.

Оглавление

Алексей Бабайцев

ГЛУБИНА ЗРЕНИЯ, ИЛИ КАК МАЦКЕВИЧ

ВГЛЯДЫВАЕТСЯ В БЕЛАРУСЬ? 6

Владимир Мацкевич

БЕЛАРУСЬ: ВОПРЕКИ ОЧЕВИДНОСТИ 14

БЕЛАРУСЬ: ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 14

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА 17

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ 21

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И КАЗУСЫ 23

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ АВТОРСКИЕ ПРАВА НА СУВЕРЕНИТЕТ 27

КРЕАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ СУЖДЕНИЯ 29

ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 32

РОДНОЙ ЯЗЫК? — СОВЕТСКИЙ 38

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 42

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА	50
Владимир Мацкевич	
БЕЛАРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ВОПРЕКИ ОЧЕВИДНОСТИ	62
Предисловие	62
Первое введение. ОБЛАСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ	65
Второе введение. О МЕТОДЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	70
Третье введение. ДЕЙСТВИЕ АВТОРА В ИССЛЕДУЕМОЙ СИТУАЦИИ	78
ПО БЕЗДОРОЖЬЮ К ДЕМОКРАТИИ: БЕЗ ВЕХ	80
АВТОР И СИСТЕМА	83
ВЫБОРЫ И ИЗБИРАТЕЛИ	86
ВЫБОРЫ И ЗНАНИЕ	89
ВЫБОРЫ И ЛОГИКА	94
ВЫБОРЫ И НРАВСТВЕННОСТЬ	98
ВЫБОРЫ И СЕМИОТИЧЕСКАЯ СРЕДА	104
ВЫБОРЫ И КАНДИДАТЫ	107
ВЫБОРЫ И ДЕНЬГИ	110
ВЫБОРЫ И ПАРТИИ	115
ВЫБОРЫ И ВЛАСТЬ	124
ВЫБОРЫ И ПЕРСОНАЛИИ	128
ВЫБОРЫ И МАСС-МЕДИА	136
БЕЛАРУССКАЯ МЕЧТА	141
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	150
ЭПИЛОГ	169
ПУБЛИКАЦИИ ФРАГМЕНТОВ АНАЛИТИКИ 1994–1996 ГГ.	176
Владимир Мацкевич	
ПОЛИТИКА: СРЕДСТВО ИЛИ ЦЕЛЬ	178

Алексей Бабайцев

ГЛУБИНА ЗРЕНИЯ, ИЛИ КАК МАЦКЕВИЧ ВГЛЯДЫВАЕТСЯ В БЕЛАРУСЬ?¹

«Очевидно» — слово, указывающее на определенное состояние восприятия или мысли: нечто стало «видимым», представленным, изображенным, т. е. очевидностью. Тонкое различие между очевидностью и тем, что ею стало, определяет границу между обыденным сознанием и рефлектирующим интеллектом. Обыденное сознание довольствуется очевидностью, наделяя ее значением достоверности, воспроизводит ее и ею же воспроизводится. Рефлектирующее мышление начинается с вопросов: «Откуда взялась эта очевидность? Как она возникла?» Здесь-то, собственно, и начинаются проблемы.

Год назад журнал «Культурная политика» опубликовал цикл эссе Владимира Мацкевича под общим названием «Беларусь: вопреки очевидности». Те, кто имел возможность познакомиться с этим текстом, могли оценить и яркий полемический стиль, и необычность подхода, и, наконец, хороший современный философский язык.

Проблема белорусского феномена, ставшая тогда предметом авторского размышления, не перестает и сегодня взывать к нашему разуму. Не

¹ Этот текст был написан Алексеем Бабайцевым в качестве послесловия к книге В. Мацкевича «Беларусская демократия: вопреки очевидности» (1995 г.). С согласия автора мы посчитали возможным включить «Глубину зрения, или ...» как предисловие к настоящему изданию. — Прим. ред.

к эмоциям, не к инстинктам — к разуму. «Думать Беларусь» — этот лейтмотив стал своего рода обращением к национальной интеллигенции, к ее совести и нравственному долгу, вопрошанием ее исторической функции. Однако проблема не локализуется только в области практического разума. Несмотря на то, что проблема Беларуси формулируется сегодня по-гамлетовски просто: быть или не быть, выдержать мысль один на один с такой проблемой может далеко не каждый. Более того, один — вообще не может. «Думать Беларусь» есть, во-первых, вопрос организации интеллектуальной кооперации, коммуникации и диалога, а во-вторых, вопрос метода, соразмерности средств и инструментальной оснащенности разума. И то и другое определяется наличием того, что Владимир Мацкевич называет «экраном» или «доской», т. е. действительностью мыслительной работы. Только «внесение экрана» в белорусскую ситуацию позволяет придать ей культурные (и, как ни странно, нравственные) параметры, создает возможность для рационального действия.

Итак, заявка сделана по-крупному и первый ход был сделан. Вопрос, как всегда, в продолжении. Сказавший «а» должен сказать и «б». Год — хороший срок для обдумывания и осуществления следующего хода. И вот продолжение — новая культурно-политическая работа методолога, на этот раз «Беларусская демократия: вопреки очевидности». Изменился предмет размышлений, но авторская манера по-прежнему узнаваема — все тот же блестящий стиль и беспощадность суждений. Впрочем, этот текст — не просто размышление автора над проблемами становления демократических институтов в Республике, а своего рода «отчет о проделанном» социо-политическом эксперименте. Таким экспериментом для В. Мацкевича стали весенние выборы в Верховный Совет и его собственная предвыборная кампания как кандидата от Объединенной демократической партии. Участие в выборах, которое сам автор склонен рассматривать как «исследование действием», дало, конечно, богатейший материал для анализа, а смена политического самоопределения на исследовательское отношение позволила отстраниться от ситуации борьбы и политической конъюнктуры, расширить горизонты понимания, рассмотреть культурно-политический смысл событий. Прodelывать подобную смену на самом себе не так уж и просто, как может показаться. Ведь судить за ошибки и поражения приходится в том числе и себя. Политика — не физическая лаборатория, а в выборах нельзя участвовать «понарошку». То, что никогда не признают политики, культурный политик обязан высказать, чтобы затем иметь право быть беспристрастным.

Политик-исследователь — фигура безусловно экзотическая, как говорится, не от хорошей жизни, но тем не менее неслучайная. Удельный вес аналитической работы в общей инфраструктуре политической деятельности у нас ничтожен, а способность к интеллектуальной кооперации у белорусских политиков атрофирована напрочь мистическим «знанием своего народа». Врожденные идеи какие-то, просто диву даешься! Исследователь,

оказавшись в этой ситуации, вынужден сам становиться политиком, единым в двух лицах. Однако проблему можно увидеть еще и с другой стороны. В Беларуси отсутствует автономное поле свободного интеллектуального труда. Катастрофичность ситуации в этой области такова, что всякая демонстрация подлинной интеллектуальной работы в этих условиях становится, воистину, актом политического действия, требующим недюжинного мужества, собранности и воли. Рефлектирующий интеллект, обнаруживающий себя включенным в борьбу за власть (а борьба ведется за власть над умами), не может не обратиться к исследованию самого поля, на котором ведется борьба и сталкиваются интересы. Так, если оставить в стороне вопрос о средствах, фигура культурного политика получает свое внутреннее оправдание и смысл, а исследование условий функционирования демократии становится обязательным «пунктом программы». Такова, примерно, ситуация написания текста, и зависти к автору она почему-то не вызывает, впрочем, не только к автору, поскольку ситуация эта в существенных своих чертах наша общая.

II

Определить жанр самой работы достаточно сложно. От периферии газетной политической публицистики ее выгодно отличает широта взгляда и многоаспектность, выраженность концептуального плана. Ориентация на достаточно широкую аудиторию не позволяет вместе с тем считать ее и специально исследовательским текстом. Все же дух публицистики чувствуется в нем сильно. Полемический задор и нарочитая резкость характеристик весьма ярко его проявляют. Перед нами образец так популярного в современной гуманитарии эссеизма, удобство и сильные стороны которого В. Мацкевич умело использует. Текст хорошо оборудован или, как любит выражаться сам автор, «инсталлирован» для читательского восприятия. Три введения, предваряющие основной текст «Беларусская демократия: вопреки очевидности» и задающие его небезосновательность, способны отпугнуть неискушенного читателя, испорченного нехитрым ассортиментом статей-однодневок «фельетонной эпохи», но для серьезного и вдумчивого чтения они являются важным подспорьем, позволяющим восстанавливать рамки содержания, метода и действия.

Первое введение предназначено скорее для коллег по подходу, хотя значительные отсылки к литературе оставляют возможность для восстановления исходных горизонтов. В этом введении обозначаются содержательные основания работы с позиций системо-мыследеятельностного подхода. Эти основания требуют особенно пристального внимания, поскольку они нетривиальны, а игнорирование подобных оснований всегда грозит породить заведомо дефицитное по отношению к тексту понимание. Грубо говоря, обсуждаемая здесь проблема заключается в том, что обращение к плюралистическим и полиподходным формам мышления, особенно характерным для институтов функционирования современной демократии, требует

принципиального усложнения методологического аппарата, а именно: увеличения мерности базовой топики или, иначе говоря, пространства рефлексивного рассмотрения и удержания самого мышления. Добавляемому размерности, по гипотезе В. Мацкевича, образует прагматика: ценности, установки, интересы и пр. Что это означает практически? Это означает, что все организованности мышления, например понятия, должны теперь рассматриваться нами не только как задающие тот или иной идеальный объект, не только как средства и инструменты, включаемые в ту или иную оперативную систему мышления, но и как «представляющие интерес», имеющие значимость и ценность для кого-то.

Сама проблема прагматики, конечно, не нова, а вот подходящая ее постановка достаточно оригинальна. Впрочем, с моей точки зрения, пока уместнее было бы говорить о переакцентировке в системе методологической работы. Введение прагматики в подходящие основания позволило сместить акценты, ввести в рассмотрение новый материал, произвести своеобразную легитимацию области прагматики. Однако все же этот ход пока не привел к изменению оперативного строя подхода — схемы в своей основе остаются теми же. В этом контексте институты функционирования современной демократии рассматриваются автором как особенно удобный исследовательский плацдарм для подтверждения или опровержения собственной гипотезы, а проведенное исследование — как новый опытный материал.

Второе введение носит общегуманитарный характер. Здесь обсуждается ряд базовых принципов современного метода гуманитарного исследования. Это введение можно рассматривать как задающее общеметодологические основания осуществленного В. Мацкевичем «исследования действием».

Третье введение представляет собой сжатое описание собственно «экспериментального» действия. Оно задает эмпирическое или опытное основание авторских суждений.

Столь тщательно демонстрируемая автором забота о небезосновательности собственных выводов — не просто проявление методологической культуры и профессионального *сomme il faut*, а намеренное противостояние и вызов разгулу беспринципности (в смысле отсутствия не только нравственных, но и логических принципов), безответственности, безграмотности и резонерства, охватившему область компетентного и профессионального суждения, все этажи социальной структуры без исключения. И именно это, а вовсе не «дурная власть», по мысли автора, является главным тормозом на пути демократических преобразований в стране, ее развития в целом. Лукашенко есть порождение неопрятности и неряшливости мышления белорусской интеллигенции и формирующихся протоэлит. Как ни странно, этот тезис и задает главный стержень всей работы В. Мацкевича. Все остальное есть извлечение позитивных и негативных следствий. Тезис В. Мацкевича конечно же вызывает ассоциации, в первую очередь, с рос-

сийскими «Вехами». Социальный диагноз, поставленный авторами этого знаменитого сборника, по-прежнему актуален и точен в своем нравственном и этическом измерении. Мыслить точно — нравственный долг интеллигента. Белорусская интеллигенция забыла о своем долге и этим лишила себя возможности достойного человеческого существования, а собственную родину бросила на поругание хаму.

Концептуальная же сторона авторского тезиса, по существу воспроизводящего социо-политическую интерпретацию кантианского аргумента критики способности суждения, заключается в полагании этого аргумента системообразующим элементом современных форм демократии. Структуры профессиональной коммуникации, организация критики и анализа политических суждений, процессы образования и внутрипрофессиональной конкуренции рассматриваются В. Мацкевичем как один из несущих элементов института демократии, вне которых последний не может ни мыслиться, ни существовать.

Такое концептуальное полагание позволяет автору произвести анализ и оценку основных функционирующих институтов белорусской демократии на срезе, по-прежнему недоступном для белорусских политиков и никак не учитываемом в планировании политической деятельности и в структурах принятия решений.

III

Далее мы лишь очень кратко проследим то, как принятый автором «критический императив» приводит его к тем или иным выводам. Основной текст работы состоит из ряда разделов или глав, названия которых представляют собой четко выраженную схему авторской аспектизации, задаваемую конъюнкцией вида «Выборы и ...». В качестве второго аргумента в ней фигурируют понятия казалось бы далекие друг от друга: избиратели, знание, логика, нравственность, семиотическая среда, деньги, партии, власть, персоналии, кандидаты, масс-медиа. Тем не менее соответствующие им аспекты анализа удивительным образом «хитросплетены» на том странном срезе, который становится видимым лишь в луче критики собственного суждения. Так, примитивизм и пустая декларативность предвыборных лозунгов и «программ» делают призрачной фигуру избирателя: избирать некого и нечего, а суэта кандидатов и их «команд» в отсутствие профессиональной аналитической работы может рассматриваться только как симуляция политической деятельности. Но точно то же можно сказать о белорусских партиях, политиках и властях. Незрелость интеллектуальной инфраструктуры политики (аналитики, мониторинга, консалтинга, партийной учебы, экспертизы и пр.) делает саму политику в буквальном смысле неопишуемой, т. е. абсурдной. Опыт предвыборной кампании позволил автору выявить и описать целый ряд абсурдных явлений и характеристик белорусской демократии (например, положительно отвечая на все четыре вопроса референдума, часть избирателей одновременно голосовала за лидера БНФ).

Но особенно важен по отношению к таким явлениям правильный выбор объяснительной схемы. Как уже сказано выше, автор рассматривает их как системные эффекты, как проявления дефектов инфраструктуры, связанных с неразвитостью аналитического и критического звена. С такой точкой зрения особенно контрастируют объяснительные схемы политиков Народного фронта, которые либо усматривают за этими проявлениями только злонамеренность властей (фальсификация результатов выборов, «зомбирование» избирателей и пр.), либо объективируют эти проявления в виде свойств особого объекта, так называемого «беларусского менталитета».

Таким образом, большая часть проблем белорусской демократии, считает автор, лежит в области мысли и знания. Вот лишь еще несколько примеров из работы В. Мацкевича: незнание знаковых механизмов воспроизводства социума тормозит запуск санации семиотической среды, поддерживающей «красный» идеологический фон; незнание культурных детерминант нравственности и морали порождает совершенно превратные представления о приватизации, не позволяет правильно определить приоритеты конфессиональной политики; незнание механизмов и схем капитальных вложений приводит к распылению финансовых ресурсов, тормозит всякую прожективную и перспективную работу в политике, а значит, и развитие всей политической системы; незнание основ партийного строительства, невежество партийных функционеров приводит к тому, что в Беларуси до сих пор еще нет партий в настоящем смысле этого слова.

Но как гласит известный принцип, незнание не освобождает от ответственности. За все приходится расплачиваться. Слабая, неразвитая инфраструктура демократии неспособна сдерживать произвол властей, допускает ложь, беззаконие и цензуру, а главное, неспособна выполнить основную свою функцию: обеспечить условия разработки и реализации осмысленных программ развития страны.

IV

Это последнее обстоятельство имеет еще одну, совершенно особую плоскость рассмотрения, ставшую предметом авторского внимания в главе «Беларусская мечта» и непосредственно связанную с обозначенной выше проблемой исследования прагматики мышления.

Действительно, программы развития страны есть продукт особого типа мыследеятельности, программирования. Условия запуска программирующего, а более общо, прожективного типа мышления и деятельности предполагают прагматическую ориентацию на будущее и определенные, связанные с ней ценностные установки, и наоборот, прагматическая ориентация на прошлое и соответствующие ей ценностные установки могут стать непреодолимыми препятствиями для этого типа мышления и деятельности. Если теперь рассмотреть мышление и деятельность, а также связанные с ними прагматические установки в качестве содержания тех или иных демократических институций, то зависимость перспектив развития

страны от типа и структуры прагматики, определяющей отношение людей к прошлому, настоящему и будущему, станет ясно различимой. Грубо говоря, эти перспективы зависят от того, как видят те или иные социальные агенты сегодняшние проблемы и их разрешение: ориентируясь на представления о прошлом или же ориентируясь на представления о будущем (идеологическая заданность этих представлений в данном контексте несущественна).

Доминирование ностальгических настроений и переживаний в белорусском обществе, столь ярко проявленное референдумом и выборами в парламент, существенно сужает возможности разворачивания проективной работы, а значит, лишает страну бесценного ресурса продвижения и развития. Среди других сдерживающих факторов можно отметить узкий прагматизм и крайнюю ограниченность идеального плана.

Эти обстоятельства, по мысли В. Мацкевича, и заставляют рассматривать прагматику и возможности рационального отношения к ней как важную и актуальную гуманитарную проблему.

Постановка и анализ этой проблемы, осуществляемые в разделе «Беларусская мечта», дают, с одной стороны, определенные методологические подходы и основания ее рассмотрения, а с другой стороны, позволяют автору сделать ряд общих рамочных замечаний о первоочередных задачах белорусской гуманитарной инженерии.

V

Что такое гуманитарная инженерия, или, в терминологии самого автора, гуманитарные технологии? Отсутствие «естественных», в смысле укорененных в традиции и истории, механизмов реализации норм открытого общества и демократических институций в обществах «переходного периода» должно восполняться «искусственно», за счет особых социокультурных «протезов», функции которых собственно и выполняют гуманитарные технологии. Такие технологии в отличие от сталинской «инженерии» обязательно включают в себя человеческое измерение, предполагают свободный выбор и самоопределение человека.

Как это возможно? Ответу на этот вопрос и посвящена заключительная глава «Культурная политика и гуманитарные технологии». Структура этой главы буквально зеркально повторяет структуру всей работы в целом, т. е. все негативные и критические выводы, которые приходилось делать автору в ходе анализа существующих институтов белорусской демократии, получают здесь конструктивную форму и выражение. По-существу, демонстрируя широкие возможности, открываемые культурной политикой и гуманитарными технологиями, В. Мацкевич показывает, как можно мыслить и обустроить белорусскую демократию вопреки очевидности. И это обстоятельство определяет значение всей работы в целом.

Подход, реализуемый В. Мацкевичем, непросто, требует знаний и квалификации, но он не только позволяет увидеть скрытую очевидностью об-

ласть проблем, но и дает действенные инструменты для их решения. Кто готов воспользоваться ими?

Проблема всех больших общественных трансформаций и перестроек — проблема субъекта. Кто осуществляет шаг развития? Маркс придумал пролетариат, Шумпетер — предпринимателя. Кто построит демократию в Беларуси? В. Мацкевич придумал ньюмейкеров. Ньюмейкер — это тот, кто сделал себя сам, тот, кто готов и может создавать новое, развивая деятельность и развиваясь сам. Но ньюмейкеры — это не порода людей, не каста и не класс. Это самоопределение и выбор человека. Ведь человек есть то, что он из себя делает. Но это-то и есть самое сложное. Проблема белорусской демократии — это проблема человека.

1996 г.

Владимир Мацкевич

БЕЛАРУСЬ: ВОПРЕКИ ОЧЕВИДНОСТИ

— Что вы там делали на этом перекрестке?
— Мы думали туман, — ответила Ирма.
— Про туман, — поправил Виктор, — о тумане.
— Зачем это — про туман? — сказала Ирма.
— Думать — непереходный глагол, — объяснил Виктор. — Он требует предлогов. Вы проходили непереходные глаголы?
— Это когда как, — сказала Ирма. — Думать туман — это одно, а думать про туман — это совсем другое... и кому это нужно — думать про туман...

А. и Б. Стругацкие, «Гадкие лебеди»

БЕЛАРУСЬ: ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Беларусь как идея, как объект мысли, как то, существование чего еще предстоит доказать...

Даже у коллег автора, знакомых с образом его мысли, такая постановка вопроса вызывает иногда непонимание, иногда иронию. Что говорить о том, как такой вопрос может быть встречен современным общественным мнением в Беларуси (в эмпирической Беларуси, существование которой не требует доказательств и обоснований)? Националистическая интеллигенция руководствуется мировоззрением наивного реализ-

ма, для нее существование Беларуси несомненно в силу присутствия некоторых очевидностей: пятой графы в анкетах, бело-красно-белого флага на административных зданиях и т. д. Сама попытка усомнения и поиска доказательства существования Беларуси может быть воспринята носителями такого мировоззрения как оскорбление или провокация. То, что рядом сосуществует альтернативное мировоззрение, тоже исходящее из наивного реализма, отвергающее существование Беларуси на основе другой очевидности: тотальное отсутствие белорусского языка во всех жизненно важных сферах употребления; марионеточность и игрушечность белорусских властей; утверждения социологов о желании белорусов «вернуться в Россию», корень «рус», из имени белорусов перекочевавший в их самосознание, — националистами в расчет не принимается. Также, как их оппонентами не принимаются в расчет доводы самих националистов. Оппозиция и взаимоисключение двух комплексов очевидности могут сосуществовать, к обоюдному неудовольствию, бесконечно, если не задействовать способность человека к рефлексии, если препирательства в быту, в политике, в массовых газетах останутся единственным пространством обсуждения судьбы и перспектив эмпирической Беларуси.

Данный текст про другое. Довольствующимся очевидностями его читать не надо.

Беларусь — проблема. Такая формулировка появилась в результате размышления автора о Беларуси и рефлексии многочисленных бесед, споров и дискуссий на эту тему, в которых автору приходилось участвовать на протяжении двух десятков лет. Если не относиться к словам легкомысленно, то суждение, выраженное фразой: БЕЛАРУСЬ: ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА, актуализирует комплекс смыслов вопросов и сомнений, которые открывают новые возможности для отношения к географическому, культурному, историческому и политическому феномену или уникальному явлению, известному под собственным именем — БЕЛАРУСЬ.

Первые размышления автора о Беларуси относятся к началу 70-х годов, когда подобная тема если и интересовала кого бы то ни было, то не для открытого обсуждения на принципиальном уровне. С тех пор многое изменилось, менялось и отношение автора к рассматриваемому объекту. Это авторское отношение составляет смысловое наполнение данного текста, а содержанием его является постановка проблемы, вынесенной в название, анализ и критика ее, разворачивание подхода и программы деятельности в рамках поставленной проблемы.

Двигаясь к постановке и формулировке проблемы, необходимо начать с анализа самого вопроса или комплекса вопросов. Что означает приписывание какой-либо вещи, поименованной собственным именем, статуса проблемы? Как нужно понимать логическую конструкцию, представляющую собой общеутвердительное суждение, состоящее из логического субъекта,

выраженного именем собственным, и предиката, выраженного формальной категорией, употребляемой для объектов мысли или для понятий и идей? Т. е., что может значить выражение Беларусь есть проблема?

Первая констатация, возможная при постановке таких вопросов, состоит в необходимости рассмотрения Беларуси не как вещи, данной в ощущениях, доступной очевидности и наделенной статусом натурального непосредственного бытия, а как идеи. По отношению к идее Беларуси правомерен и законен вопрос о существовании. Существует ли Беларусь как идея, как то, что доступно не только очевидности, не только опыту проживания и деятельности, но умозрению, разуму и логике? А стало быть — как то, что подлежит разумному управлению, исследованию, проектированию, построению и развитию.

Собственно проблемность в философском аспекте и есть усомнение и критика существования чего-то. Взятие чего-либо в качестве философской проблемы с необходимостью требует доказательства бытия или существования этого или небытия и несуществования, а также необходимых и достаточных условий этого бытия или небытия. Усомнение и доказательство бытия и существования идеи, объекта мысли и деятельности составляет онтологическую сторону философской проблемы.

Но есть еще и прагматическая сторона. Это критика и анализ телеологической, аксиологической и этической действительностей существования объекта. Попросту говоря, если обосновано принципиальное существование Беларуси, то кому, зачем это существование нужно и что оно значит для жизни, мышления и деятельности человека? Чем и как различаются жизнь и деятельность людей при существовании или несуществовании Беларуси?

Кантовское доказательство бытия Бога не отменяет и не заменяет онтологического доказательства этого бытия, оно просто лежит в другой действительности. Онтологическая и прагматическая стороны философской проблемы в результате анализа и критики могут быть не только различены и разделены, но и отображены друг в друге или «вывернуты друг через друга».

Чтобы не вдаваться в технику того, как это может быть реализовано, сошлемся на перефразированный прецедент французского философского цинизма XVIII века: если бы Беларуси не существовало — ее следовало бы придумать.

Методологический модус проблемности, снимая философский аспект, предполагает иную постановку вопроса: что и как можно делать с объектом, взятым в необходимых и достаточных условиях его существования, или в его «присутствии (dasein)» для той или иной деятельностной позиции? Как его можно и нужно мыслить? Методологический модус проблемы также имеет свою прагматическую сторону. Методологическая прагматика раскладывается не на действительности телеологии, аксиологии и нравственности, а на рамки подходов и ориентиров. Методологическая прагматика конкретно ситуативна: Беларусь можно мыслить в

рамке выживания (актуализируется тем самым все, что связано с бременем Чернобыля и фобийным архетипом геноцида Второй мировой войны), в рамке развития, в рамке антиимперского стояния Великого княжества Литовского на восточной границе христианского мира и европейской цивилизации.

В каждой из этих рамок Беларусь мыслится по-разному.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Для начала разберемся с тем, как можно в мышлении и знании иметь дело с единичными объектами.

Со времен Аристотеля известно, что логика, мышление и знание обращены в первую очередь на всеобщее и универсальное. «Аналитики» и «Топика» Аристотеля, рассматривая простое суждение типа «А есть В», трактуют квантор «есть» или «быть» как то, что задается по-разному в направлениях от логического субъекта к предикату и обратно. В направлении от субъекта к предикату квантор «есть» трактуется как принадлежность к классу объектов, наделенных статусом существования, а от предиката к субъекту — как подведение под понятие, что только и придает статус действительного существования логическому субъекту.

Лошадь есть животное, она есть постольку, поскольку есть животное. Если мы глядим на Буцефала и распознаем в нем лошадь, он и есть лошадь, но основанием его лошадиного существования является принадлежность лошадей к классу понятий — «животные». Связь формальной аналитики с онтологией не очень понятна без мысленного эксперимента с использованием аристотелевской силлогистики как единственного средства античного мыслительного экспериментирования.

Представим себе, что Буцефала вводят в члены Сената. Сенатор есть патриций. Патриций есть римлянин. Римлянин — человек. Сенатор — человек. Буцефал — сенатор. Человек не есть животное. Сенатор не есть животное, но тогда и Буцефал не животное и, конечно же, не лошадь.

Если, конечно, некоторые сенаторы не лошади или что-нибудь похуже.

С таким частноутвердительным или частноотрицательным суждением греки и римляне согласиться не могли (иначе разрушился бы их космос и таксис — естественный порядок мира и искусственный порядок полиса и государства). Аристотель понимал, что способы и методы мышления, изложенные в его трактатах, не способны избавить от таких парадоксов. Единственный выход из этой ситуации, который он мог предложить, — это запреты: на использование имен собственных в построении суждений и единичных объектов, обозначаемых этими именами в мышлении. Греки и римляне старались следовать этому запрету, а в средние века об этом забыли. Недоучившиеся логики темных веков, после распада античной цивилизации, стали рассматривать как правомочные суждения типа «Сократ —

человек» и «Буцефал — лошадь», что было абсурдным и наивным с точки зрения Аристотеля (как и суждение «Беларусь — государство, или республика, или территория» и т. д.).

Аристотель точно знал: Александр может оседлать Буцефала и скакать на нем, но мыслить он может лошадь (еще лучше — лошадность), но не может оседлать лошадность или мыслить Буцефала.

Соответственно — то, что нельзя мыслить, не существует в действительности.

С Буцефалом легко расправиться таким образом. Но средневековые схоласты интересовались не Буцефалами. Их интересовал Бог. Для греков бог был общим понятием, бог существовал в действительности как идея, как божественность, а Зевс, Дионис и прочие — это объекты поклонения и суеверия, можно и Буцефалу поклоняться, точнее в образе Буцефала поклоняться божеству.

С христианским Богом так поступать нельзя. Онтологическое доказательство бытия бога (можно помыслить божество, следовательно, оно может выступать предикатом в суждении «*нечто есть божество*», следовательно, божество является основанием существования этого нечто в качестве божества, следовательно, божество существует в действительности) с формальной логической стороны устраивало схоластов, но не могло устроить со стороны веры и содержательного отношения. Такое доказательство не может ответить на вопрос: почему необходимо верить в Бога Ветхого и Нового заветов и не нужно верить в Зевса и Ваала? Если Бог завета существует в силу онтологического доказательства бытия бога, то такой же статус и у Ваала, а если Бог существует без доказательства, то какова цена этим доказательствам? Существуют ли в таком случае сами идеи? Бог есть, это очевидно по вере (см. апологетику Тертулиана: *credo que absurdum est*), но существует ли идея бога, существует ли реально божественность?

Так поставленная в схоластике проблема существования идей, или универсалий, имела большой успех, и популярность ее продолжалась несколько веков. Последующие мыслители расценили всю работу над этой проблемой как бесплодное умствование, слово «схоластика» стало бранным. Может быть, эти мыслители и правы в чем-то, но проблема осталась и усложнилась.

Основным эффектом обсуждения в схоластике проблемы универсалий стало не решение самой проблемы, а интенциональный поворот разума от универсалий к их экземплярикам, к единичным проявлениям всеобщего. От действительности разум обратился к реальности. Схема логического суждения осталась прежней: «*A есть B*», остался вопрос об истинности каждого такого суждения, изменились направленность интереса и содержание размышления о том, что стоит за субъектом и предикатом логического суждения. Если *A* — реальный Бог (един в трех лицах..., см. дальше Никейский Символ веры), а *B* — действительный бог или идея бога, то что означает тождество того и другого? Истинно ли это тождество? В такой постановке вопроса кван-

тор существования не может рассматриваться как подведение реального экземпляриката под действительное понятие без исследования субъекта логического суждения, а предикат суждения не может больше выступать основанием существования субъекта.

Если неизвестно, существует ли идея божественности, то как мы можем знать, что то, во что мы верим — есть именно то, во что мы верим, что Бог это бог. После схоластики квантор «есть» в общеутвердительном логическом суждении перестал быть асимметричным, его нельзя больше трактовать по-разному от субъекта к предикату, но нельзя трактовать и как тождество субъекта и предиката, поскольку они принадлежат разным пространствам: действительности и реальности. Общеутвердительные суждения стали гипотезами и перестали быть ответами и элементами доказательств. И субъект, и предикат логического суждения существуют отныне как возможность, а их реальность и действительность остается всегда под вопросом.

Логическая форма суждения (А есть В) начинает читаться так: предположим, что реально существует А, а в действительности оно есть В. В дано разуму и мышлению, а А — опыту и наблюдению. А есть В, поскольку В наблюдаемо в А, но А есть (существует) не потому, что есть (существует) В, а потому, что мы раз от разу наблюдаем В в А; существует ли при этом В само по себе — неважно. Важно, что В, данное в мышлении, наблюдаемо, что оно наблюдаемо в А, данном наблюдению непосредственно, и что это наблюдение можно повторить в любом А (А₁, А₂ и т. д.).

Из такой схоластики рождаются два фактора, на несколько веков определивших европейскую цивилизацию: инквизиция и эмпирическая наука. Инквизиция и наука повернуты лицом к конкретному, единичному, с тем чтобы наблюдать в нем всеобщее и универсальное: законы, принципы, идеальные объекты. Инквизиция была принята Европой сразу, поскольку интересовалась жизненно важными проблемами для средневековой и ренессансной культуры: является ли экземпликат тем, за что себя выдает или за что его принимают. Инквизиция могла обходиться без теории, поскольку набор предикатов логических суждений, которые ее интересовали, был задан и давно определен в разуме: Бог — дьявол, святость — грех, догмат — ересь. Можно было заниматься непосредственно конкретикой. Наука же долго пребывала в младенчестве, усилия многих поколений ученых ушли на то, чтобы оснастить действительность науки идеальными объектами, формулировками законов, онтологиями и принципами, прежде чем науке стали доступны объекты реальности. Работа в пространстве действительности, с объектами действительности требовала иного, чем у схоластики и инквизиции, метода и подхода, поэтому методологи науки (от Галилея, Бэкона и Декарта до Поппера и Фейерабенда) разрабатывали этот подход. В рефлексии Гегеля весь методологический план оформления науки как мышления и деятельности с экземпликатами, единичными объектами, оформился как метод восхождения от абстрактного к конкретному, или в наших терминах — от универсального к экземпликации.

рованному. Но ведь в полном соответствии с гегелевской версией диалектического развития по спирали, метод восхождения от абстрактного к конкретному на новом витке повторяет мышление по Аристотелю. Абстрактное выступает основанием существования конкретного, а принцип фальсификации Карла Поппера повторяет сомнения схоластов-номиналистов в реальности универсалий. По Попперу, наука, сталкиваясь с существованием реального единичного, проблематизирует содержание абстрактного и универсального в действительности. Если греки, схоласты-реалисты и сциентисты-романтики, в ситуациях, когда теория и факты, абстрактное и конкретное противоречат друг другу, говорили: «Тем хуже для фактов», то после Поппера и Куна так сказать уже нельзя. Тем самым вызываются к жизни новый номинализм и новая постановка проблемы единичного и универсального, а также ставится проблема метода работы с единичным и мышления о нем.

В аристотелевском, реалистическом и научном мышлении единичному и экзemplифицированному отводится строго фиксированное место и задаются узкие рамки существования. Экзemplификат попадает в пространство мышления только как пример, казус, прецедент или факт наблюдения, побуждающий, организующий и направляющий мысль к всеобщему и универсальному. Мышление подводит экзemplификат под универсалию, уничтожая тем самым его как нечто уникальное, единичное. Номиналистическая установка поворачивает мышление к единичному во всей его уникальности и единственности, но, будучи бессильной помыслить его как единичное, поскольку располагает только методом мышления об универсальном, начинает разрабатывать новый метод и в процессе этой разработки превращается в свою противоположность — в реалистическую установку. Так поиск единичного и метода ухватывания уникального и экзemplифицированного превращается в сизифов труд, в дурную диалектику. Схема выхода из этого круга может быть предложена в самом общем виде и сформулирована в разных подходных и методологических языках по-разному. Сформулируем ее коротко в языке этого фрагмента (т. е. не отступая далеко от языка схоластов). Реалистическая установка может быть представлена в языке схоластов первой интенцией (*intentia prima*), смысл которой в полагании объектов в пространстве действительного существования или в полагании и наполнении ядер содержания в заданных рамках. Номиналистическая установка, соответственно, представляется как вторая интенция (*intentia secunda*), смыслом является полагание новой действительности (или реальности — в конкретно исторической версии этого полагания) или полагание рамок и рамочных конструкций, в которых могут появляться ядра содержания при возврате к первой интенции и к реалистической установке. Таким образом, проблема существования универсалий и экзemplификатов выворачивается в организационно-деятельностный план и может быть сформулирована как задача комплексирования и замыкания друг на друга первой и второй интенций, реалистической и номиналистической установок. Соответственно, метапространство, в котором возможно такое комплексирование и конфигурирование интенций и установок, предполагается как удерживающее три подпространства:

1. Парадигматика — пространство размещения содержательных ядер — объектов действительности и реальности.

2. Синтагматика — пространство рамочных или формальных, а также содержательных или объектных логик и языков.

3. Прагматика — пространство размещения самих рамок, установок и интенций, целей, ценностей и задач.

О том, как это все может быть устроено, в каком космосе это может быть осуществимо и в каком таксисе реализовано, поговорим ниже, когда речь пойдет о том, мыслима ли Беларусь как реальность и действительность (раздел «Методологическая проблема»).

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ

Передовые саперные части Прибалтийского и Белорусского фронтов наводят мосты и переправы между Востоком и Западом

Когда рассудку приходится иметь дело с единичным объектом, самая обычная процедура, которая применяется при этом, — подведение под некоторое универсальное понятие.

Беларусь как географическое понятие, как историческое понятие, административное, политическое, этнографическое, если угодно — экологическое, а также поэтическое, метафорическое и т. д. Взятый в рассудке единичный объект помещается в предметную действительность, и там он перестает существовать в своей единичности и уникальности. Проведем на географической карте Европы линию, соединяющую Москву и Варшаву. Один из отрезков этой линии будет проходить по пространству с именем Беларусь. Есть такая территория. Но если убрать административные границы, проезжающий вдоль упомянутой линии не заметит, не сможет заметить переходов от территории России к Беларуси, от Беларуси к Польше. А без административных границ территорию Беларуси можно разместить между нечерноземной полосой России на востоке и Подляшьем и Мазовией на западе. Тогда, может быть, это и не Беларусь вовсе, а Полесье со смежными районами, или Северо-Западный край — если глядеть из Москвы, или Восточные Кресы — глядя из Варшавы.

Территории составляют предметность географии, но номинация территорий и появление или стирание территорий с географической карты осуществляется не из предмета географии. Можно предъявлять претензии к географам, что они непоследовательны в принципах нанесения территорий на карту. Одни карты у них состоят из нагорий, равнин, бассейнов рек и т. д., другие разрисованы государственными границами. Можно удивляться легкомысленности людей, которые не хотят жить в бассейнах рек, на плоскогорьях и низменностях, они норовят жить в Польше или в Мазовии, во Франции или в Провансе. Некоторые умудряются жить в Прибалтике, Средней Азии, СНГ или в Тироле, на Полесье, в Приднестровье, на Кубани, которых на карте нет, но не в Латвии, Узбекистане или в Беларуси, которые есть на карте. Если бы

географическая карта была мерой всех вещей — проблем было бы меньше. Но если человек есть мера всех вещей — существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют, — проблем становится больше, а сами они — сложнее. Предмет географии и географическая карта — место существования родовых понятий с видовой спецификацией типа координат и высоты над уровнем моря.

Существование чего-то на карте вовсе не доказывает существования этого в жизни и деятельности людей.

Летом 1991 года в Таллинне проходила международная конференция по теме «Восток-Запад и отношения между ними». Участников этой конференции повезли в Нарву, где целый день пытались убедить их в том, что Эстония и Нарва могут, должны и при необходимости станут мостом между Востоком и Западом. Я никак не мог понять, в чем организаторы конференции видят преимущество Нарвы перед Клайпедой, Калининградом, Брестом или Львовом, а они не понимали моих вопросов и сомнений. Основной докладчик приводил множество аргументов и называл их очевидными, для меня же эта очевидность была скрыта, пока я не реконструировал ее смысл. Когда сообразил, я вдруг стал почти видеть, как перед мысленным взором докладчика стоит толстый историко-географический атлас, докладчик мысленно листает его страницы и видит на каждом развороте одно и то же — Нарва лежит между Россией и Европой. На одной странице путь лежит из варяг в греки, на другой из Новгорода в Ливонию, на третьей из Санкт-Петербурга в Курляндию — и везде есть река Нарова и переправа через нее. А то, что на разных страницах эти места разрисованы разными цветами, Киевской империи Ярослава или Новгородской республики, Ливонского ордена или Шведского королевства, — для докладчика неважно. Тем, кто собирается ехать через Нарвский мост, тоже не важно, каким цветом он помечен на карте, но им не важно и то, что он лежит на линии кратчайшего расстояния между двумя точками. Люди интересуются условиями переправы, законами и правилами, опасностью и ценой. Но все это отсутствовало на мысленной карте докладчика. Насколько мне известно, в год проведения упомянутой конференции Эстония была мостом между Востоком и Западом только для переправы денег в оплату продаж цветных металлов, сами же металлы и люди ездили через другие мосты, там, где действительно короче, дешевле и безопаснее.

Для меня было очевидным другое. Слова «Восток» и «Запад» позаимствованы из географического словаря для обозначения двух различных социально-экономических укладов и систем ценностей, поэтому мосты, тоннели и каналы между ними не могут быть нарисованы на карте, так же как и барьеры между ними не географические.

Петербургские дамы у Лескова одобряли план передачи Нарвы немцам, поскольку тогда «за границу ближе ездить будет».

Фронт есть линия, разделяющая два противоположных лагеря или пространства. Саперы, преодолевая эту линию, наводят мосты с одной из сторон линии фронта. Прибалты проводят линию фронта по восточной границе своей подконтрольной территории и наводят мосты через нее. Они определяются как авангардные части Запада. А беларусы? Линия фронта до сих пор проводилась через Гродно и Брест, сегодня она продлена до Браслава. Т. е. вроде бы беларусы однозначно определяются на Восточной стороне. Вот только являются ли они авангардом Востока? Мне же представляется, что Беларусь — большая нейтральная полоса, без самоопределения. Если Редьярд Киплинг прав, и «Запад есть Запад, Восток есть Восток — и им никогда не сойтись», то они вечно будут топтаться на нейтральной полосе, вытаптывая на ней цветы, каждую четвертую березку, а на вытоптанной Земле будет прорастать чернобыль.

Ограничиваться в рассмотрении единичного предметным знанием значит обречь рассмотрение на абстрактность, односторонность, неполноту, потерю уникальности и существа объекта.

Беларусь характеризуется формальными признаками и атрибутами различных предметов: территория, государство, нация, культурный регион. Обо всем этом можно прочесть в книгах, справочниках, путеводителях. Есть книжная география Беларуси, экономгеография, история есть, разделы языкознания, изучающие белорусский язык, есть международные договоры, подписанные должностными лицами БССР и РБ, и многое другое. Но все это представляется иллюзорным, когда разговариваешь с беларусами — депутатами Верховного Совета, министрами правительства, когда ходишь по улицам белорусских городов, пользуешься ирреальными белорусскими деньгами. В действиях людей, в отношении их к себе и своей деятельности Беларусь выглядит совсем не так, как в книгах. Граница между Востоком и Западом проходит в пространстве, которое не может быть прописано в географии.

Это пространство — не территория.

А что оно такое, еще необходимо выяснить, как и то, каково место Беларуси в этом пространстве.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И КАЗУСЫ

Существование беларусов в истории дискретно, они то существуют, то нет. Это народ, для которого справедлива теория метемпсихоза. Беларусы вызываются к жизни, «оживают», только тогда, когда их «призывают» на войну с русскими или когда нужно сопротивляться полонизации. Это значит, что Россия является метафизическим условием бытия или небытия Беларуси, или — Беларусь не сгинет, пока Польша на нее будет претендовать. Что же есть такого у поляков и русских и чего нет у беларусов, что Россия и Польша

могут существовать сами по себе, независимо от существования Беларуси, а Беларусь без них — нет? Что будет с беларусами, если Россия станет мирной страной и прекратит имперскую экспансию, а Польша не будет претендовать на беларусскую территорию и язык?

Платон придумал Атлантиду, Томас Мор — Утопию, Шелягович — Палісьсе. Бисмарк придумал Германию, Сталин — Советский Союз. Где-то существуют Эльдorado, Шамбала, Гиперборейское царство, Левант, Тартария, Византия, Скифия, Королевство обеих Сицилий (а также они обе в отдельности), страны басков и ятвягов, Черная, Белая, Красная и еще какие-то Руси. Еще бывает Священная Римская империя Германской нации, куда не входили ни Первый Рим, ни Второй (Константинополь), ни Третий Рим (Москва), ни народы «германской нации», живущие в Остзейских землях. Еще был Третий Рейх арийской расы, против которого воевали в составе союзнических войск арийцы (настоящие, хотя и «неистинные») — мусульмане, сикхи и индусы, будучи подданными Британской империи.

Всякое бывает в этом мире.

И Беларусь была членом Организации Объединенных Наций с 1945 г.

Всякое может быть в этом мире. Может быть Черноморско-Балтийская Федерация, о которой мечтает Беларусский Народный Фронт «Адраджэньне», может быть Славянский Соборный Союз беларусских-русских, великорусских-русских, украинских-русских и русинских-русских — по чаяниям Славянского Собора «Белая Русь».

Беларусь была Литвой, Беларусь была Белой Русью. Беларусь была Северо-Западным Краем. Беларусь была Восточными Кресами.

Беларусь была? Беларусь есть? Беларусь будет?

На глобусе истории, как масляные пятна на воде, возникают, растут, меняют форму и очертания, исчезают: империи, федерации, королевства и республики. Литва, Новогрудское княжество, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя, Советский Союз. Каждому такому образованию в истории отведено свое время, чему-то три века, чему-то 73 года. Что реальнее, что действительнее? Что исчезло навсегда, что может быть восстановлено и что может возникнуть такое, чего не было никогда? Перенесем временную развертку исторического глобуса на видеопленку и прокрутим несколько раз туда и обратно в ускоренном и замедленном темпе. Прокрутили быстро и обнаружили, что на месте бывшей российско-германской границы возникли и разрослись два пятнышка: Польша и Литва. Крутим назад — промелькнули и исчезли еще какие-то пятнышки. Крутим медленнее и присматриваемся — были они или только нам показалось? Беларусская Народная Республика, Беларусско-Литовская Республика — промелькнули и исчезли. Были они или не были в истории? Были они реальными или это только эффекты смешивания фасок крупных пятен: Польши и России? Какой срок видимости пят-

нышка в таком мультике достаточен, чтобы точно сказать — это было, это не ошибка: месяц, год, век? Почему 73 года существования СССР делает его реальнее, чем несколько веков существования Великого княжества Литовского или несколько месяцев Белорусской Народной Республики?

А может быть дело не в длительности существования, а во временной последовательности? СССР был после ВКЛ и БНР — поэтому реальнее. Почему тогда не признаются реальными Беловежские соглашения? Ведь подписавшие его Республика Беларусь и Российская Федерация следуют во времени после СССР.

По сообщениям в средствах массовой информации Республики Беларусь, 3 июля 1994 года в день празднования 50-летия освобождения Минска частями Советской Армии от фашистской оккупации ветераны Советской Армии (ветераны армии «несуществующей» страны) во взаимодействии с частями МВД и ОМОН РБ заняли оборону на подступах к обелиску Победы на Площади Победы в столице Республики Беларусь г. Минске и не допустили проникновения на занимаемые рубежи колонны противника, состоявшей из сторонников БНФ и ветеранов той же Советской Армии, но «наступающих» под бело-красно-белыми государственными флагами Республики Беларусь. Сообщений о жертвах и потерях с обеих сторон не поступало. Инцидент закончился полным торжеством порядка, демократии, абсурда и *памяркоўнасці*.

Ну, и слава Богу, лишь бы не было войны.

23 июля 1994 года на внеочередной сессии Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики, принявшего весной того же года Конституцию Республики Беларусь, первый Президент Республики Беларусь, избранный в соответствии с этой Конституцией, принял присягу на верность народу Республики Беларусь и поклялся защищать суверенитет названной страны. После принятия присяги Президент попросил Верховный Совет, депутатом которого он был избран в соответствии с Конституцией Белорусской Советской Социалистической Республики в 1991 году, снять с него полномочия народного депутата Верховного Совета Республики Беларусь. Оба Верховных Совета удовлетворили просьбы депутатов, один из которых был единственным, сохранившим верность Белорусской Советской Социалистической Республике и голосовавшим против ратификации Беловежских соглашений, другой только что стал Президентом страны, поклявшимся охранять ее суверенитет. Ни один, ни другой народный депутат не меняли своих взглядов и позиций. Один проводил предвыборную президентскую кампанию на критике Беловежских соглашений и на идее объединения с Россией и Украиной, т. е. против суверенитета, другой выступал против апрельского договора об объединении денежных систем с Россией как противоречащего Конституции суверенной Республики Беларусь и за сентябрьский договор 1993 года, подписанный до принятия упомянутой Конституции, потому не могущий ей противоречить.

3 августа того же года Республика Беларусь и Российская Федерация подписали договор о ненападении друг на друга. При этом численность российских войск на территории РБ сопоставима с численностью белорусской армии, а социологи утверждают, что большинство населения РБ желает либо восстановления СССР, либо объединения с Россией, либо вхождения в состав России.

Жыве Беларусь! Живут же люди?!

«К белоруссам национальное сознание пришло почти как непрошенный дар русской революции». (Мирский Д. С. Россия, социальная история. — М., 1932).

«Это был, возможно, наиболее крайний, во всяком случае в Европе, пример обращения к принципу самоопределения наций с целью не столько удовлетворить, сколько вызвать национальное самосознание». (Эдвард Карр История советской России. Кн. 1. — Лондон, 1950).

Эдвард Карр знает, что говорит. Многие в самой Беларуси думают так же. В Европе это, может быть, был действительно крайний случай, но для Советского Союза это — обычная практика. Иосиф Сталин был корифеем многих наук, но особенно он преуспел в языкознании и в национальных вопросах. Способ его мышления прост и фундаментален, как всякое знание на уровне 3 класса начальной школы. Каждой вещи в мире отведена своя ячейка. Все в мире можно по ячейкам разложить. Все ячейки устроены по принципу формально-логического деления: природа поделена на типы движения материи; история — на формации; политическое устройство — на капитализм и социализм; люди — на классы и нации. С последним делением все получается смешно, зато просто и понятно. Каждого человека можно приписать к какой-нибудь нации и к одному из классов. Представить себе, что человек может осознавать себя непринадлежащим к классу и нации, в такой системе мышления нельзя. Если люди мыслят себя как-то по-другому (например мусульманами, староверами и т. д.), — значит, они недоразвиты, чего-то недопонимают. Исходя из такого представления были созданы новые нации, например, в Туркестане из бухарцев, хиванцев и кочевников — таджики, узбеки и т. д. Так же поступили и с беларусами.

Сталин ничего не делал зря. Зачем ему нужны были беларусы и их государственность? Ответ прост — нужно было вытравить из истории память о Великом княжестве Литовском. Наследство княжества передается этническим литовцам вместе со столицей Вильно, ставшем Вильнюсом. Идея его восстановления, которая доставляла Российской империи много неприятностей в XIX веке, дискредитируется через акцентирование его противостояния православию и России как оплоту ортодоксального православия, через создание мифа о постоянном стремлении православных беларусов к воссоединению с Россией, которое наконец-то осуществилось.

Чтобы земли бывшего княжества не были заражены оппозиционностью к имперской политике СССР, нужно: объявить Великое княжество Литовское

орудием ополячивания православных; самих православных отождествить с этносом, а не с конфессией; язык белорусов привести в соответствие с марксистско-ленинско-сталинской теорией происхождения языков; городское население, интеллигенцию и аристократию ВКЛ оторвать от крестьянского этноса и объявить поляками и литовцами. Все это с успехом удалось реализовать, устранив из исследования и образования все источники и документы, противоречащие такой «исторической» версии. Но белорусы и литвины сами виноваты. Они не создали своей истории, своей теории государства, не исследовали свой язык и его происхождение, не культивировали его.

Джорж Оруэлл прав. История переписывается, язык переделывается, а вместе с ними переделывается сознание, самосознание, менталитет. В XX веке, при умелом обращении с социальными и гуманитарными знаниями, создание наций, идеологий, менталитетов и т. д. становится «делом техники». К 1944 году Белорусскую Советскую Социалистическую Республику можно ввести в ООН, поскольку она уже своя, ручная и послушная. Она будет оставаться такой долго, даже после развала СССР.

Есть ли в Беларуси то, что можно противопоставить сталинской гуманитарной инженерии?

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ АВТОРСКИЕ ПРАВА НА СУВЕРЕНИТЕТ

Сотворил Бог Беларусь и увидел, что это хорошо, но людям она не понравилась. Тогда Бог изгнал людей из Беларуси, и затосковали люди без нее, и пошли искать ее, бродя в тоске и печали по волнам своей памяти, в потоке слез и соплей национальной *свядомасці* или в кумачовом потоке демонстраций интернациональной солидарности трудящихся. Бог дал белорусам язык, и Скарына принес его им, а они отдали его другим. Бог дал белорусам право и закон, и Сапега принес его им, но они нарушали его, забывшись в шляхетской гордыне. Бог дал белорусам столицу, но они сделали ее яблоком раздора трех соседних народов и покинули ее. Бог дал белорусам землю, текущую молоком и медом, а они смотрят с завистью на сибирские болота, текущие нефтью. Бог дал белорусам веру, но они предпочитают слушать чужих пастырей. Бог посылал белорусам героев и гениев, а они отправляли их служить другим народам, почитая между собой преступников и злодеев, своих и чужих, ставя им памятники и позволяя учить себя. Как вернуться людям в Беларусь, путем Кирилла Туровского или путем Святополка Туровского Окаянного? И по проспекту Франциска Скарыны не пройти к храму и к Беларуси, если он по-прежнему ведет от памятника Ленину через Советский район в Первомайский, плавно переходя в Московское шоссе.

Одни рождаются великими, другие добиваются величия, а иным величие жалует — кажется так грезил о величии шекспировский недотепа Мальволио. Ему повезло, он не родился белорусом. В этом случае он бы и грезить

не смог о величии. Одни страны издревле были суверенными, другие добиваются суверенитета, а Беларуси суверенитет пожалован. Вслушайтесь! Предоставлен суверенитет. Горбачев развалил Союз и обрёл Беларусь на сиротскую (суверенную) долю. Мыслимое ли это дело: получить суверенитет вопреки желанию?

— Вот какие басни Лафонтена приходится мне выслушивать! Подбросили четыреста долларов! Вот вы все здесь — валютчики, обращаюсь к вам как к специалистам: мыслимое ли это дело?

— Мы не валютчики, — раздались отдельные обиженные голоса в театре, — но дело это неммыслимое.

— Целиком присоединяюсь, — твердо сказал артист, — и спрошу вас: что могут подбросить?

— Ребенка! — крикнул кто-то из зала.

— Абсолютно верно, — подтвердил ведущий программу, — ребенка, анонимное письмо, прокламацию, адскую машину, мало ли что еще, но четыреста долларов никто не станет подбрасывать, ибо такого идиота в природе не имеется, — и, обратившись к Никанору Ивановичу, артист добавил укоризненно и печально: — Огорчили вы меня, Никанор Иванович! А я-то на вас надеялся. Итак, наш номер не удался.

М. Булгаков

Личная просьба автора. Не рассказывайте никому о насильственном выбрасывании Беларуси в суверенитет. Люди смеяться будут, а номер все равно не удастся.

Суверенитет — из разряда вещей, которых невозможно не желать. Если в Беларуси на каждом углу кое-кто говорит о том, что нам суверенитет не нужен, — значит это кому-то нужно. Насильно можно отнять суверенитет, но нельзя насильно его дать. Добровольно можно взять суверенитет, но нельзя добровольно его отдать. Такое часто случается с гуманитарными понятиями. При неосторожном обращении с ними в логике они исчезают, как мираж. Можно дать кому-то землю, но хозяином (сувереном) на ней он может стать только сам. Навязанный суверенитет и добровольно отданный суверенитет — несуществующие понятия, как круглый квадрат, как мокрый огонь. Тот, кто так обращается с понятиями, либо не в своем уме, либо изощренный лжец.

А в Беларуси такие номера проходят.

КРЕАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ СУЖДЕНИЯ

Может ли пафос быть творческим?

Полонез Огинского — музыка, удовлетворяющая широкий спектр эстетических вкусов, ласкающая слух. Но нигде это сочинение Огинского не пользовалось такой популярностью, как в Беларуси. Оно и понятно, под эту музыку Беларусь два долгих столетия прощалась с Родиной. Без патриотической экзальтации, но тихо грустя, принимая кончину Великого княжества как естественную, наступившую в назначенный Богом срок. Кто напишет столь же достойную песнь «На встречу с Родиной»? Будет ли это первый Канцлер действительной Беларуси, как Михаил Огинский был одним из последних министров (подскарбием) реального княжества, или кто-то другой? Я этого знать не могу. Я знаю, когда это произойдет — когда белорусский разум выдвинет идею действительной Беларуси и выложит ее в реальность. Хотелось бы еще, чтобы эта песнь была не полонезом, мазуркой, полькой или краковяком (сколько можно петь под польскую «дуду?»), а чем-то оригинальным.

* * *

Кампании Костюшко и Калиновского с Врублевским потерпели поражение не потому, что их не поддержали крестьяне, а потому, что они не были обеспечены творческим интеллектом. Война в Европе не может быть выиграна стороной, которая воюет за восстановление «прошлогоднего снега», для победы нужна перспектива. А будущее нельзя спеть и сплясать, его нужно промысливать и проектировать, и нужно уметь это делать. Беларусь мыслима только как европейская страна и немыслима как улус Орды. Польша могла раздвигать свои границы на восток, и это останется делом самой Польши. Европа может продвинуться на восток только посредством возникновения европейских стран Беларуси и России. Перспектива будущего для Беларуси — это будущее в Европе. Солдаты Костюшко умирали «за нашу и вашу свободу». Беларусь свободна стать европейской страной и несвободна (вынуждена) пребывать в азиатчине. Нужно спроектировать свободу в Беларуси и промыслить условия ее реализации. Сначала свободным становится мышление, потом оно делает свободным все остальное. Но мышление не может не быть свободным, иначе оно уже не мышление. Петь с чужого голоса и чужими словами можно, но мыслить нельзя. Если Беларусь несвободна в выборе пути своего развития, значит ее мышление несвободно в промысливании этого пути, значит она несвободна (не может) мыслить, значит она не мыслит.

Солдаты Костюшко умирали «за нашу и вашу свободу». Если они умерли не зря, то жить нужно «за наше и ваше мышление».

Умирают с пафосом, можно и с песней на устах. Но мыслить с пафосом...

Когда поют — не мыслят, когда мыслят — не поют.

Мышление — черная будничная работа, без пафоса и без экзальтации. Пафос там, где ворочают горы, где шумят митинги, где умирают за будущую (еще не достигнутую) свободу. Нет истины и мысли в речи, если у оратора горят глаза, слова льются плавно и звучат красиво. У мыслящего — потухший взгляд, глаза скользят поверх очевидности, слова выискиваются долго и мучительно, произносятся с сомнением и звучат коряво.

У Платона слово «поэзия» было бранным.

У знаменитого математика спросили, что стало с одним из его учеников. — Он стал поэтом, для математики у него не хватило воображения.

Пою мое отечество, которого нет, чтоб его никогда и не стало.

Если вы слышите в казематах половецкого хана: «О дайте, дайте мне свободу!», а на улицах стольного града: «Ура! Свобода!» — смело можете заключить, что условия содержания узников и там, и там — одинаковые.

Термин «творчество» давно узурпирован теми, чья способность суждения базируется на пафосе, чья деятельность имеет своим материалом чувства, переживания и эстетические отношения, а объектом — экстаз и катарсис. Эти материал и объекты не хуже и не лучше других, нужно только понимать, в каких рамках и в какой действительности такой материал и такие объекты существуют.

Можно представить себе машину, государство, Янку и Ганку объектами переживания, любви, ненависти или страдания. Так же можно представить и Беларусь. Можно и само переживание представить как деятельность, а значит как то, что имеет продукт, как то, что творит и воплощает нечто в чем-то. Янка любит Ганку, эта любовь имеет своим продуктом страдание Янки, если Ганка об этом не знает или не любит его сама. Любовь как творчество творит нечто в сознании (душе) одного человека, например ощущение страдания или счастья, но чтобы сотворить эти же продукты в сознании (душе) другого, любовь должна быть пропущена через нечто ей противолежащее, нечто, что не является любовью, например через общение. Без общения с другим человеком, без опосредования коммуникацией деятельность сознания не может творить что бы то ни было вне самого себя. Янка поет серенаду Ганке и добивается от нее того, чего не смог добиться Костя Остенбакен от подруги своего детства Инги Зайонц, — любви. Деятельность сознания может творить в сознании. Этим ограничиваются творческие возможности и ресурсы сознания. Попробуйте сотворить нечто сознанием в том, что не имеет сознания. Спойте гимн машине и ждите, что она заработает лучше. Серенада Янки может побудить Ганку стирать ему носки, ее критика его поведения может способствовать бросанию курения. Но воспеванием или критикой АЭС вы не добьетесь ликвидации последствий Чернобыля.

Воспевайте «свободную» Беларусь, процветание ее колхозного крестьянства, плачьте о Курапатах и Хатыни — свободы не станет больше, жертвы не встанут из могил.

Эстетическое суждение ограничено в своей творческой способности. Поэзия может сеять «разумное, доброе, вечное», но только в душах людей. Поэзия и изящные искусства продуцируют катарсис (очищение душ от скверны и накопленного зла) и экстаз (подъем, порыв к высокому, чистому, светлому), но им недоступно познание того, что есть добро и зло. Знание добра и зла вне поэзии. Можно «глаголом жечь сердца людей», выжигая в них все доброе и светлое.

Попса: Мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз.

Патетика: Мы беларусы с братняю Руссю...

Фреска: Ленин думает про Беларусь.

Но, даже если поэзия несет на себе заряд добра... Благими пожеланиями вымощена дорога в ад. Компартия Западной Беларуси искренне хотела добра, именно за это Коминтерн разогнал ее по сталинскому приказу накануне подписания пакта Молотова-Рибентроппа. Машеров хотел добра Беларуси, добиваясь строительства на ее территории экологически опасных или не нужных ей производств.

Причина зла есть ошибка в мышлении — говорили схоласты. Творение добра — способность правильного мышления, т. е. просто способность мышления. Поэзия творит в действительности сознания, в душах людей, мышление творит в действительности мышления. Поэзия творит красоту, мышление — идеи и истину. И то, и другое могут быть добром, могут быть злом. Но не сами по себе, а только в реализации, в реальности жизни и деятельности. Реализующееся мышление творит добро, ошибочное мышление, не способное к реализации, позволяет произрастать злу.

В духовной сфере Беларуси гипертрофировано место, выделенное поэзии. Беларусь поют, ваяют, танцуют и облекают в гиперболы и метафоры. Все это творит страдание в душах свядомых беларусов, гонит их на митинги. Страдающие, переживающие люди не мыслят, а выливают поток своего страдающего сознания друг на друга.

Творческая же способность мышления депрессирована. Беларусские философы (если таковые есть) с их сомнениями, вопросами и парадоксами не подпускаются к делу национального возрождения, да и сами предпочитают мыслить в Германии или в России.

Мераб Мамардашвили жил в Тбилиси, читал книги и писал их. Когда ему нужно было промыслить какую-нибудь проблему, а для этого нужны были «поделньики» в мышлении, он ехал в Москву с лекциями.

Скиф Анахарсис — один из семи греческих мудрецов, а не скифских. Диоген в Синопе был фальшивомонетчиком, а в Афинах философом. В Синопе вообще не было и не могло быть философов. Философы «водятся» не в любом месте, для этого нужны особый «климат» и среда. Места, города и страны, где такие климат и среда есть, существуют в истории, про остальные страны и народы мы знаем из книг исторических народов.

Если Бог хочет наказать человека, он лишает его разума. Сон разума рождает чудовищ. Нарисованный художником, но не промысленный государственными деятелями, белорусский «зайчик», выпущенный на волю, превратился в чудовище, готовое сожрать Беларусь.

То, что подлежит промысливанию, нельзя просвистеть или станцевать. Наивно думать, что проект государственного обустройства можно насвистеть на мотив «Лявоніхі».

Реальный мир является продуктом творческого духа. Или, по-другому, мир принимает форму, предлагаемую духовной деятельностью. Творческая интенциональность духа направлена по-разному на разные стороны реальности: мышление организует и упорядочивает (или дезорганизует и нарушает порядок) внешний мир, среду жизни и деятельности людей в соответствии с тем, как организовано само мышление; поэзия, искусство и эстетическая сторона духовного организует и упорядочивает (или наоборот) человеческое отношение к внешнему миру и отношение человека к самому себе. Поэзия, поэтическое творчество не способны спроектировать и создать Беларусь, это дело другой стороны духа — творческого мышления.

ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Думать Беларусь

Вопрос, заданный Стругацкими в отрывке, который взят эпиграфом к этому тексту, имеет прямое отношение к обсуждаемой теме. Если Тютчев утверждает, что «умом Россию не понять», то главная мысль этого текста состоит в том, что глазами Беларусь не увидеть. Беларусь неразличима невооруженным глазом. Чем должен быть вооружен глаз, чтобы Беларусь стала «быть»? Что можно противопоставить очевидности? Ответ, который дает вся история европейской мысли, — очевидности противостоит умозрение. Глаз должен быть вооружен умом. Только РАЗУМ способен сотворить БЕЛАРУСЬ. Эта страна, в отличие от России, должна быть доступна пониманию умом. В Беларусь тоже можно верить, вера позволяет сохранять память о Беларуси несколько веков отсутствия такой страны в пространстве очевидного, сохранять европейское самосознание в период господства азиатчины. Сложен переход от веры к разуму, от мечты к реализации — осуществлять такой переход нужно аккуратно, осторожно и педантично.